

Р. Р. Рахимов

**ИВАН ИВАНОВИЧ ЗАРУБИН
(1887—1964)**

Жизнь, научная и педагогическая деятельность профессора Ивана Ивановича Зарубина, 100-летие со дня рождения которого недавно исполнилось, уже привлекали внимание его учеников, коллег, людей, близко знавших замечательного ученого и педагога¹.

И. И. Зарубин в Советском Союзе и за его пределами широко известен как выдающийся ученый-иранист, основоположник научного таджиковедения и памироведения. И. И. Зарубин был человеком широкого исследовательского диапазона, создателем советской школы живых иранских языков и диалектов, автором многих оригинальных трудов по этнографии, языкам и фольклору ираноязычных народов, обитающих на территории Советского Союза. Его труды в высокой степени содействовали расцвету советской иранистики, а его методика лингвистического анализа живых языков пользуется широкой популярностью. Достойны подражанию четкость, строгость и ясность, характерные для работ И. И. Зарубина.

Педагогическая деятельность И. И. Зарубина долгие годы была связана с Туркестанским (Среднеазиатским) восточным институтом (1919—1920 гг.), Ленинградским институтом живых восточных языков (1925—1933 гг.), Историко-лингвистическим институтом (1930—1937 гг.), Курсами национальных меньшинств Советского Востока (1932—1933 гг.), Курсами редакторов и переводчиков классиков марксизма (1934—1935 гг.) и Ленинградским гос. университетом, где он работал с 1928 по 1949 г. сначала на кафедре этнографии, а затем на кафедре иранской филологии восточного факультета, где преподавал таджикский, белуджский и памирские языки. В период эвакуации с сентября 1942 по сентябрь 1944 г. он вел педагогическую деятельность в Таджикском педагогическом институте в Сталинабаде (Душанбе).

Прекрасный педагог и воспитатель, И. И. Зарубин обладал незаурядной способностью сочетать блестящее педагогическое мастерство с исключительной добросовестностью, будучи одинаково требовательным как к себе, так и к своим ученикам. Он придавал большое значение подготовке кадров из числа представителей национальностей среднеазиатских республик. У него учились представители иранских народов — таджики, осетины, курды, белуджи, памирцы, таты и др. Многие советские исследователи иранских языков являются его учениками.

И. И. Зарубин родился 10 октября (27 сентября) 1887 г. в Петербурге в семье врача. Среднее образование получил в гимназиях Одессы и Петербурга. В 1905—1906 гг. учился на социологическом факультете Высшей вольной школы при Биологической лаборатории профессора Лесгафта, где, по сообщению В. С. Расторгуевой, он посещал лекции Д. Н. Овсянко-Куликовского по введению в языковедение². В 1907 г., став студентом Петербургского университета, И. И. Зарубин занимался одновременно на двух факультетах — историко-филологическом (дальневосточном отделении) и юридическом³.

За участие в студенческих беспорядках в 1910 г. он был исключен из университета. Экзамены за университетский курс сдал экстерном. В 1911/1912 учебном году учился в Практической Восточной Академии.

В студенческие годы И. И. Зарубин работал в составе Дальневосточной этнологической экспедиции под руководством Л. Я. Штернберга «по фотографической обработке и регистрации коллекций»⁴ (1910 г.). Работа в составе этой экспедиции надолго связала И. И. Зарубина с Музеем антропологии и этнографии (МАЭ). Вскоре появилась возможность для поездки в Среднюю Азию «для этнографических, антропологических, лингвистических исследований и сбора коллекций»⁵. Надо сказать, что молодого Зарубина привел туда случай, сделавший его впоследствии иранистом. В 1914 г. в соответствии со своей университетской специализацией он просил направить его на Дальний Восток. Но такой экспедиции тогда не предвиделось. Л. Я. Штернберг предложил ему поехать на Памир вместе с известным французским иранистом Р. Готьё. Готовясь к этой поездке, И. И. Зарубин самостоятельно начинает изучать таджикский язык⁶. Данная экспедиция, организованная совместно МАЭ и Русским комитетом для изучения Средней и Восточной Азии, отправилась на Памир для систематического и по возможности исчерпывающего обследования припамирских ираноязычных народов. Но работа вскоре была прервана разразившейся первой мировой войной. Руководителю экспедиции — профессору, французскому офицеру запаса Р. Готьё пришлось оставить полевую работу и срочно выехать на родину, где ему суждено было стать не только участником, но и жертвой этой войны — он скончался в Париже в сентябре 1916 г. от полученных на фронте ран.

«Хотя экспедиция была непродолжительной, — отмечается в экспедиционном отчете Р. Готьё и И. И. Зарубина, — она собрала немало материалов и уже дала определенные... результаты»⁷. Как явствует из отчета, участники экспедиции собрали лингвистический и этнографический материалы, в том числе по обычаям и религии, выполняли антропологические измерения, проводили фотографирование предметов быта и культуры местного населения.

Основные результаты экспедиции 1914 г. И. И. Зарубин изложил в самостоятельной работе⁸. Первоначально И. И. Зарубин не предполагал издавать эти еще необработанные материалы, «собиравшиеся в течение всего только четырехнедельного пребывания в стране припамирских таджиков...»⁹. Однако отсутствие этнографических материалов, в частности о долине Бартанга, о которой не было даже небольших заметок этнографического или лингвистического характера, заставило И. И. Зарубина, не дожидаясь результатов последующих исследований, опубликовать собранные в 1914 г. материалы. «По необходимости, — замечает автор, — они должны быть отрывочны и не полны... в этом отношении могут быть ошибки и погрешности, которые я надеюсь исправить в будущем»¹⁰. Но в следующей поездке на Памир он занимался преимущественно фольклором и лингвистикой, и это издание осталось первоисточником по этнографии припамирских таджиков.

Во время работы в МАЭ молодой Зарубин познакомился и сблизился с выдающимся русским тюркологом академиком В. В. Радловым, оказавшим большое влияние на формирование взглядов и методов исследовательской работы молодого ученого¹¹. В. С. Расторгуева установила, что именно по настоятельному ходатайству академика В. В. Радлова Зарубину было разрешено сдать экзамены за университетский курс экстерном¹²; впоследствии И. И. Зарубин становится одним из учредителей Радловского кружка. Среди тех, кто оказывал влияние на формирование научных взглядов молодого Зарубина, были не только Л. Я. Штернберг и В. В. Радлов, но также В. В. Бартольд, С. Ф. Ольденбург, Л. В. Щерба и другие выдающиеся ученые.

В МАЭ, а затем с 1933 г. в Институте этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР И. И. Зарубин работал с 1910 по 1934 г., занимая последовательно должности научного сотрудника, ученого хранителя и старшего

специалиста, зав. отделом мусульманских народов Средней Азии (впоследствии отдел Передней и Средней Азии). В 1941 г. был вновь утвержден (с сохранением по совместительству работы в Институте языка и мышления) в должности зав. отделом Передней и Средней Азии. В ней И. И. Зарубин находился до 1946 г. После этого он стал сверхштатным научным сотрудником без содержания, поскольку с 1934 г. сохранял работу по совместительству в Институте языка и мышления, где он в 1944—1946 гг. был зав. иранским кабинетом.

В науке И. И. Зарубин не замыкался в рамках узкой специализации — иранистики. Он интересовался целым комплексом проблем иранистики, принесших ему в равной мере известность в области этнографии, языкознания, истории, фольклористики, музееведения. И. И. Зарубин создал собственное направление в науке и свою научную школу. Впервые в истории иранского языкознания им было поставлено планомерное изучение таджикского языка, впервые приведены научные сведения о ванчском языке. Широко известны его описания и материалы по орошорскому, бартангскому, рушанскому, шугнанскому, мунджанскому, ваханскому, белуджскому, вершикскому языкам. Осуществленные им записи текстов, как и описание лингвистических, фольклорных или этнографических фактов, отличаются образцовой точностью и совершенством.

И. И. Зарубин активно выполнял также научно-общественную работу. Он принимал живое участие в создании алфавитов и литературных языков — таджикского, еврейско-таджикского, белуджского и др. В 20-е годы он много участвовал в многочисленных конференциях и съездах по изучению производительных сил Средней Азии, в совещаниях по районированию Узбекской ССР и Таджикской АССР, привлекался к консультациям по национальным и демографическим вопросам различными правительственными, партийными и общественными организациями, как центральными, так и местными. По сведениям В. С. Расторгуевой, получив диплом в Харьковском университете на юридическом факультете, И. И. Зарубин занимался также адвокатской практикой¹³.

Жизнь этнографа-полевика, каким был И. И. Зарубин, трудно представить без научных экспедиций. За время работы в МАЭ И. И. Зарубин предпринял семь поездок в разные районы Средней Азии (всего им было совершено туда 13 поездок). Он выбрал один из наиболее отдаленных районов и едва ли не самый трудный путь — исследователя Памира. Рассказывая об одном из своих путешествий в долину Бартанга, он пишет: «Тропинка проходит по берегу, то поднимаясь очень высоко, то опускаясь к самой воде; кой-где нужно просто опускаться в воду, чтобы обогнуть неприступный утес. Несколько раз разгружали лошадей и на руках переносили багаж... в темной воде озера не видно подводных камней. Лошади боятся и скользят. Несколько раз случалось, что какая-нибудь из лошадей оступалась, падала в глубокую воду, и, конечно, наши вещи промокали насквозь...»¹⁴. Нередко маршрут исследователя проходил там, где вовсе не было следа какой-либо тропинки.

И. И. Зарубину было свойственно упорство и настойчивость исследователя, непоколебимый характер человека, всецело отдавшего себя интересам избранного пути. «Глубокоуважаемый Лев Яковлевич, — пишет он в письме к Л. Я. Штернбергу 2 августа 1914 г., — 30 июня мы выехали из Памирского поста и направились в долину Бартанга... Первая часть нашего путешествия продолжалась ровно месяц, но из этого месяца пришлось работать только 14 дней... дорога страшно трудная, верхом можно проехать сравнительно небольшую часть пути, почти все время приходилось идти пешком, местами босиком, карабкаясь и цепляясь за камни, или плыть на турсуках, причем и мы, и все вещи... промокли... насквозь»¹⁵.

Летом 1915 г. И. И. Зарубин снова уезжает на Памир, на этот раз на полтора года. Предполагалось не только продолжить исследования языка и

быта народов Памира, но и расширить районы обследования. Прделанный исследователем в труднейших условиях путь подробно описан в его небольшой «Записке», опубликованной в 1916 г.¹⁶

Вторая поездка на Памир оказалась очень плодотворной. Уже в сентябре 1915 г. И. И. Зарубин сообщает Л. Я. Штернбергу: «Почти закончена записью и наблюдением одна сторона жизни таджиков (впрочем, одна из самых серьезных) — земледелие и связанные с ним праздники и обычаи. На Язгуляме я нашел один обряд, показавшийся мне чрезвычайно любопытным... Но я не буду Вам писать больше о собранных материалах — пришлось бы писать слишком много; уже имеются 12 тетрадей лингвистических и этнографических записей»¹⁷.

Накопленные в результате этой поездки богатейшие материалы впоследствии легли в основу целой серии работ И. И. Зарубина. Одна из наиболее ранних публикаций этой серии — небольшая, но очень информативная работа под названием «Образец припамирской народной поэзии»¹⁸ — содержит колыбельную песню на бартангском языке. Тексту, снабженному русским переводом и примечаниями, предпослан небольшой очерк, в котором автор говорит о поэтических особенностях этого жанра народной поэзии, о чертах, роднящих его с лирической песней. По такому же принципу построены «Два образца припамирской народной поэзии» и «Сказание о первом кузнеце в Шугнанах». Текст легенды о первом кузнеце невелик, состоит всего из 11 строк. Но автор подверг его столь тщательному и глубокому анализу, что легенда «дала» буквально все, что могла дать фольклористике, этнографии и лингвистике¹⁹.

Вторая поездка И. И. Зарубина на Памир была более чем успешной. «Я работой и достигнутыми результатами доволен, — сообщает он Л. Я. Штернбергу. — Только теперь вижу, насколько полезной и необходимой была прошлогодняя поездка при всем ее разведочном и скоропалительном характере. Она не дала больших и серьезных результатов, но зато она подготовила почву для моей теперешней работы, указала мне путь и методы, которыми нужно пользоваться, чтобы, при сравнительно малой затрате времени и труда, подойти к интересному материалу. Я склонен думать теперь, что всякому мало-мальски продолжительному и длительному исследованию должна предшествовать подобная подготовительная поездка»²⁰.

Фольклорно-этнолингвистические работы, опубликованные И. И. Зарубиным по результатам экспедиции 1915—1916 гг., ввели в науку обширный новый материал не только по лингвистике и фольклористике, но и по этнографии припамирских народностей. Готовя к публикации «Одну орошорскую сказку», автор преследовал в основном лингвистические цели. Но избранная И. И. Зарубиным методика исследования позволила данной публикации служить также целям этнографического изучения культуры. Таким образом, обнаруживается прямая связь между статьей И. И. Зарубина «Рождение шугнанского ребенка и его первые шаги» и указанными работами, построенными на фольклорном материале: если в статье о рождении шугнанского ребенка описываются обряды рождения, то в «Образце припамирской народной поэзии» дан этнографический материал о колыбельной песне, о роли и значении последней в процессе воспитания детей. Что касается «Одной орошорской сказки», то в ней определенным образом отразилось представление орошорцев о детях, об их волшебной невосприимчивости к насильственной смерти.

Сказанное можно отнести и к работам И. И. Зарубина, посвященным фольклору. Примером тому служит устная традиция белуджей, зафиксированная И. И. Зарубиным²¹. В сборнике белуджских сказок есть сказка «О Джантеге и Деде-гаргашанге», которая дает представление об отношении изучаемой народности к детям. Эта сказка представляет собой вариант широко известного фольклорного сюжета ираноязычных народов. Белуджская версия повествует о том, как царь, опечаленный тем, что у него нет детей, соглашается даже на рождение мертвого ребенка. Через год у царской жены родился ребенок,

но тут же появился ангел смерти — Азраил и унес новорожденного на небо. «Азраил, — повествует сказка, — его отнес и оживил; ребенок вырос. Спустя несколько лет, юношей, он прибывает в царство отца; родитель бросается ему на шею и долго рыдает от счастья».

«Белуджские сказки», вследствие их насыщенности мотивами, имеющими отношение к детской тематике, заслуживают пристального внимания. Но прежде следует сказать, что этому изданию предшествовала интересная работа И. И. Зарубина по белуджскому языку и фольклору²², связанная с его двумя поездками к белуджам (в 1928 и 1929 гг.). Записи и наблюдения проводились исследователем в Байрам-Алийском и частично Йолатанском р-нах Туркменской ССР, а также в Мерве (совр. Мары). И. И. Зарубин обратил внимание на то, что к моменту фиксации данных по изучению языка и фольклора белуджей сведения о белуджах, населявших указанные районы, отсутствовали не только в научной литературе, но и в общей печати. В данной статье приводятся несколько песен, сопровождаемых русским переводом. В них отражен жизненный идеал белуджей, их представления о надлежащем поведении, всецело проникнутом идеей мужества (*марди*), недостаток которого — величайший позор. Художественные образы, рисующие поведение, достойное доблестного мужа, по представлению белуджей, не вымышлены, и содержание песни — правда (одновременно правда-истина и правда-справедливость). И. И. Зарубин много внимания уделял общественному положению певца эпической поэзии. Почти каждая песня — плод его личного творчества. Область народного творчества, где белуджская фантазия проявлялась с особой силой, это сказки, преимущественно волшебные, наполненные самыми невероятными приключениями и чудесами.

Что касается «Белуджских сказок», изданных И. И. Зарубиным вслед за указанной статьей, они достойны внимания по многим причинам, и в первую очередь потому, что в них отражены черты социально-возрастной специфики белуджей. И. И. Зарубин предупреждает читателя, что эти сказки не должны считаться лучшими образцами белуджского сказочного творчества, поскольку он собирал сказочный материал главным образом не у сказителей или сказочников-специалистов, а среди белуджской молодежи, учившейся в 1928—1929 гг. в Мерве и частично в Ленинграде²³. Информаторами И. И. Зарубина часто были подростки 14—15 лет.

Как известно, в сказочном репертуаре подростков имеются особенности, характерные для подросткового сказочного творчества; в них отражены черты, свойственные детскому языку и стилю. Они еще не успели «повзрослеть». Юные рассказчики И. И. Зарубина распоряжались сказочным материалом довольно свободно: отдельные эпизоды переносились из одной сказки в другую, сюжеты вливались и переходили один в другой, создавались новые варианты одних и тех же сказок. Сказки, записанные И. И. Зарубиным, удовлетворяли художественные потребности белуджских подростков, отражали их взгляды и воззрения. В них, как в фокусе, отражена социализирующая функция сказки. Отсюда и интерес к «Сказкам» как к миру белуджских детей, своеобразной их субкультуре.

Когда И. И. Зарубин записывал «Белуджские сказки», ему было 41—42 года. Казалось бы, подростки вследствие неизбежной возрастной дистанции не должны были ему — этому, с точки зрения детей, взрослому «цензору», да еще «не своему» — доверять свои тайны. Но они ему доверяли вполне. И. И. Зарубин как бы «растворялся» в белуджской подростковой среде, став для местных детей социально «однородным» участником общения, так сказать, «своим» компаньоном. Дети доверяли Зарубину все, включая особенности своей лексики, часто неодобряемые взрослыми. Так, в сказке «Об исполнении завета покойного отца» младший из трех братьев-царевичей напоминает старшим братьям о просьбе похороненного накануне отца оберегать его могилу в течение первых трех ночей. Те ему отвечают грубо: «Совокупимся с матерью

твоего отца» (ti pisāi māsa bgāyan), — мол, убирайся, кто исполняет наказ мертвеца?

Интерес исследователя к особенностям языка подростков не случаен: указанное выше выражение, судя по материалу, относящемуся к другим ираноязычным народам, для фольклорных сюжетов взрослых запретно и, как показывают наблюдения автора этих строк, является типичной чертой языка холостой молодежи, своеобразной маркировкой данной социально-возрастной категории. У таджиков, в том числе таджиков Афганистана, например, выражение, подобное приведенному И. И. Зарубиным, означает определенную заявку подростка, уровень его притязаний, его биосоциальную готовность принять на себя роль взрослого. В белуджской сказке старшие братья хотя и заявляют о своих притязаниях, но для их реализации ничего не предпринимают. Это и понятно: хлопоты о женитьбе сына обычно входят в обязанность отца, а его у них нет.

Интересен и подтекст, так сказать, мораль, которая вытекает из этой сказки: нельзя не выполнять заветов покойного отца; кто выполняет их, того бог награждает. Казалось бы, вопреки логике: бог щедр и к тому, кто выполняет завет отца защитить его могилу в течение первых трех ночей, и к тому, кто его не выполняет. Но данные этнографии по ираноязычным народам позволяют найти объяснение этому явлению. Дело в том, что младший брат (он же младший сын) в фольклоре, да и в быту, представляется живым воплощением умершего отца; он как бы одинаково заботится о благополучии остальных детей.

Сказки, опубликованные И. И. Зарубиным, интересны также с точки зрения их социально-возрастной специфики. Герой сказки — обычно неженатый подросток в предъюношеском возрасте. Он готовится вступить в жизнь окружающих его взрослых, «примеряет» их сложные роли. В этой ситуации он испытывает жгучий интерес к коллективному опыту — фольклорным сюжетам, где можно найти способы разрешения той или иной проблемы. Юные герои сказок — пастухи мечтают о женитьбе на царевне. Наиболее ловкие, смелые и отважные добиваются этого. Пример тому — сказка «О внуке старика, научившемся чародейству» и ставшем благодаря этому царским зятем.

Таким образом, И. И. Зарубину принадлежит заслуга в открытии «мира детей» на белуджском материале. Исключительная ценность и значимость «Белуджских сказок» для сегодняшнего этапа интереса к этнографии детства очевидна. Данная публикация И. И. Зарубина может оказать самое благотворное влияние на процесс научного осмысления детского фольклора в контексте его социализирующей функции, тем более что подобный материал сегодня, по-видимому, уже не доступен исследователям.

Интерес к работам И. И. Зарубина, посвященным фольклористике, этнографии, языкознанию и др., в научном мире никогда не ослабевал. Но особую актуальность и значимость они обрели в наше время. Достаточно сказать, что его «Список народностей СССР»²⁴, изданный в 1927 г., до сих пор пользуется репутацией надежного справочника по национальному составу нашей страны.

В 1918 г. Комиссия по изучению племенного состава населения России и сопредельных стран командировала И. И. Зарубина в Среднюю Азию, где он пробыл полтора года. Одна из задач указанной комиссии, членом которой И. И. Зарубин был с 1918 по 1931 г., заключалась в сборе необходимых статистических и этнографических материалов для составления списка народов, населявших Среднюю Азию. В 1922 г. этот список был закончен и подготовлен к печати, но вышел в свет лишь в 1925 г.²⁵ Список был задуман как пособие при составлении этнической карты Средней Азии. Главным источником И. И. Зарубину служили материалы переписей, результаты которых сопоставлялись с данными других источников²⁶.

«Список» И. И. Зарубина (так же как и другая его работа о населении Самаркандской области²¹) рисует этнолингвистическую ситуацию, сложившуюся в этом регионе; он не потерял своего значения по настоящее время. Кроме сведений о численности и расселении различных народов в трудах И. И. Зарубина дана этнокультурная характеристика каждого из них, с учетом этнического или родоплеменного самосознания населения, что, как известно, является одним из важных факторов этнической классификации. Значительное внимание ученый уделял вопросам этнической истории узбеков. По словам И. И. Зарубина, узбекская народность возникла «на глазах истории»²⁸, из «соединения части турецких (тюркских.— *Р. Р.*) племен, которые легли в основу казаков» (казахов. *Р. Р.*)²⁹. «Оседая в Мавераннахре,— подчеркивает далее исследователь,— узбеки претерпели крупные изменения, приняв в свой состав различные в разных местах турецкие родовые группы, прибывшие в страну задолго до них, и в различной степени смешиваясь с оседлым турецким и иранским населением»³⁰. И. И. Зарубин, таким образом, стоит на общеизвестной точке зрения, согласно которой оседание узбеков ускорило процесс тюркизации ираноязычного населения. «Это — уже до узбеков турецкое по языку, иранское по происхождению — население, называвшееся и называемое и поныне узбеками и казаками именем сартов, нигде не создало для себя особого этнического определения»³¹.

Говоря о неоднородном этническом составе узбеков, автор «Списка» особо подчеркивал, что сельскохозяйственная перепись 1917 г. в терминологическом отношении страдает непоследовательностью: «Уже во время работ руководителями было разъяснено сотрудникам, что особого народа сарт не существует и что этот термин всюду должен быть заменен словом „узбек“»³². В другом месте он пишет о существовавшей тенденции полного устранения этнонима сарт и его замене словом узбек, «объединяя таким образом совершенно отуреченных иранцев в общеузбекской массе. Едва ли могут быть существенные возражения против такого расширенного понимания узбекской народности, раз оно желательно в целях национально-культурного объединения»³³. «Однако,— отмечает И. И. Зарубин,— в интересах научного анализа могут быть случаи, когда необходима дальнейшая дифференциация узбекской (в широком смысле слова) национальности на ее составные элементы»³⁴. Исследователь рекомендует выделить тюркизированных сартов, например Самаркандской обл., в особую группу³⁵.

Там, где ираноязычное население окружено массой не отличающихся от них по быту узбеков, первое принимало «имя последних, конечно, этим вовсе не входя в их родовую организацию»³⁶. И. И. Зарубин обратил внимание на все возраставший еще в начале 30-х годов процесс узбекизации таджикского населения Средней Азии. В этой связи он приводил свидетельства жителей селения Ургут Самаркандской обл.: «Мы таджики, но наши дети уже будут узбеками»³⁷. Схожую ситуацию отметила также О. А. Сухарева в Бухаре, где на вопрос о национальности ей отвечали: «Раньше (до национально-государственного размежевания 1924 г.— *Р. Р.*) мы были таджиками, а теперь стали узбеками»³⁸. Как видно, приведенные примеры, кроме всего прочего указывают на наличие этнонима «таджик». О. А. Сухарева со ссылкой на источники подчеркивает, что «бухарцы называют себя таджиками»³⁹. В опубликованных материалах переписи 1920 г. сказано, что таджики Самарканда «называют себя таджиками и свой язык таджикским»⁴⁰. В Средней Азии широко известна тюркская пословица: *Турку тожик бир киши*, т. е. «тюрк или таджик — единый человек». К сказанному следует добавить свидетельство В. В. Бартольда о том, что в XI в. жители Бухары в разговоре с тюркскими владельцами говорили: *Мо, тозикон*, т. е. «Мы, таджики»⁴¹. Герой произведений классика персидско-таджикской литературы Муслихиддина Саади (XIII в.), обойдя «весь мир за долгий век», встречает таджиков, тюрков и др.⁴²

И. И. Зарубин специально описывал этнолингвистическую ситуацию в

среднеазиатском городе, в особенности в Самарканде. Он установил, что в 1915 г. в традиционно многонациональном Самарканде насчитывалось: 59901 таджик⁴³ и 819 узбеков⁴⁴. В 1920 г. здесь таджиков было 44578⁴⁵, узбеков — 3311⁴⁶. Отмеченное И. И. Зарубиным уменьшение численности таджикоязычного населения в 1920 г. по сравнению с 1915 г. объясняется тем, что голодная зима 1917—1918 гг. в Самарканде унесла значительную часть коренных жителей. Одновременное увеличение численности узбекоязычного населения, можно предполагать, шло, в частности, за счет таджикоязычного населения, сартов и др.

Суммируя свои этностатистические данные, И. И. Зарубин отмечал, что в 1920 г. в Самарканде, где жили также русские, среднеазиатские евреи, группа ираны, армяне и др., таджики составляли 54,4%, узбеки — 4% населения города⁴⁷.

Представляется возможность сопоставить этнодемографические результаты, полученные И. И. Зарубиным, с другими данными.

Л. Ф. Костенко указывает, что в конце прошлого века основу населения Самарканда составляли таджики⁴⁸. Это вытекает также из Справочных книжек Самаркандской обл.⁴⁹ Согласно Н. М. Вирскому, опубликованная статистическая таблица которого по Зеравшанскому округу относится к 1876 г.⁵⁰, в Самарканде насчитывалось 35326 жителей. Из них таджиков было 33622. Остальная часть населения города — персы, индийцы, среднеазиатские евреи, узбеки. По материалам первой Всеобщей переписи населения Российской Империи 1897 г., в городах Самаркандской обл. «преобладают таджики (60,58% мужчин, 66,58% женщин), узбеки (13,59% мужчин, 13,55% женщин), сарты (11,32% м., 11,97% ж.)»⁵¹. В том же источнике в Самарканде численность таджикоязычного населения дается равной 36845 чел.⁵². Что касается узбекоязычных жителей Самарканда, то в таблице распределения населения по родному языку их 5506⁵³. Сартов, по данным указанной переписи, в Самарканде числилось 287, а «тюрок без распределения» — 77⁵⁴. В опубликованных материалах Всесоюзной переписи населения 1926 г. в Узбекской ССР таджиков в Самарканде значится 10716, а узбеков — 43304⁵⁵.

Как видно, этнодемографические подсчеты И. И. Зарубина расходятся с результатами переписи 1926 г. в Узбекской ССР. Это обстоятельство обнаруживает проблему, на которой мы немного остановимся.

В результате национально-государственного размежевания в Средней Азии (1924 г.) Самарканд и Бухара были отнесены к Узбекистану. С этого момента в массовом сознании таджикоязычного населения названных городов стала доминировать тенденция отнесения себя к узбекам. На данное обстоятельство указывал И. И. Зарубин, отмечавший, что ираноязычное население, оказываясь в окружении узбеков, принимало имя последних. В этом случае, называя себя узбеками, таджики понимали термин «узбек» как житель Узбекистана⁵⁶. И. И. Зарубин, как было сказано выше, приводил подтверждающие факты по Ургуту. Это легко можно понять: Узбекская ССР в результате размежевания была образована в 1924 г., а перепись началась 17 декабря 1926 г. Таджикистан тогда был автономной республикой в составе Узбекской ССР. На выбор таджиками узбекской национальности оказало влияние и то обстоятельство, что Самарканд был объявлен столицей Узбекской ССР (оставаясь ею с 1924 по 1930 г.). О. А. Сухарева обратила внимание на то, что в результате переписи 1926 г. из 41839 жителей Бухары (Старая Бухара) 27823 чел. называли себя узбеками, 8646 — таджиками⁵⁷. «Таким образом, — пишет исследовательница, — несмотря на таджикоязычность подавляющего большинства жителей Бухары, только примерно четвертая часть их определила себя как таджиков»⁵⁸. Перед нами тот случай, когда часть жителей Самарканда и Бухары, начиная с 1924 г., не может мыслить себя иначе, как жителями Узбекистана (фактор стереотипа).

По-видимому, в ходе переписи 1926 г. допускались известные перегибы.

В «Предисловии» президиума ЦСУ УзССР к «Материалам Всесоюзной переписи населения 1926 года в Узбекской ССР»⁵⁹ говорится: «Основной формуляр переписи /—/ личный листок, составлявшийся на каждого гражданина республики, был отпечатан на двух языках — узбекском и русском»⁶⁰. Там же сказано: «Была проведена широкая агитационная работа по подготовке населения к переписи. Отпечатанные на узбекском и русском языках брошюры, листовки и воззвания широко распространялись среди масс...»⁶¹.

Итак, сопоставление накопленного И. И. Зарубиным этнографического материала по национальному составу среднеазиатского города с данными переписи населения 1926 г. выявляет проблему, которая, по-видимому, существует в реальной жизни Бухары и Самарканда. Она требует дальнейших исследований в этом направлении. Как видно, этностатистические работы И. И. Зарубина оказываются весьма ценными для сегодняшнего активного интереса к проблемам современных межнациональных отношений (в частности, в Среднеазиатском регионе).

Неутомимый ученый, И. И. Зарубин продолжал поиски, наметил задачи новых исследований. В своей небольшой статье «Этнологические задачи экспедиции в Таджикистан»⁶² он поставил такие вопросы этнографического изучения традиционной материальной и духовной культуры, которые оказали огромное влияние на разработку ключевых проблем этнографии таджиков (и после смерти ученого). Реализации целей, намеченных И. И. Зарубиным в указанной статье, послужила, в частности, его экспедиция 1926 г. в Среднюю Азию. Основные ее результаты подробно освещены в научной литературе⁶³. В результате И. И. Зарубину удалось собрать сведения по материальной культуре, главным образом по жилищу и основным хозяйственным занятиям, по народной медицине, а также фольклору; велись и диалектологические записи⁶⁴. Весьма удачной оказалась собирательская деятельность экспедиции. Около 1150 предметов, доставленных в Ленинград, широко отражают быт и культуру таджиков и узбеков.

Деятельность И. И. Зарубина как собирателя и музейного работника довольно подробно рассмотрена в упомянутой выше статье Э. Г. Гафферберга и Н. А. Кислякова. Поэтому, не повторяясь, следует лишь отметить, что И. И. Зарубин не только сам собирал экспонаты, но и мобилизовал на это других сотрудников отдела, использовал зарубежные поездки разных ученых. В письме от 18 февраля 1926 г., адресованном акад. В. В. Бартольду, он, в частности, сообщает: «На днях МАЭ перевел ей (Марье Алексеевне — жене В. В. Бартольда. — *Р. Р.*) еще 300 руб., удалось получить их при единогласной поддержке Совета. Так же единогласно поддержана дополнительная ассигновка Маррам⁶⁵ на персидские коллекции: всего им послано также 500 руб.

Эти успехи меня окрылили, и я через МАЭ представил С. Ф. (акад. С. Ф. Ольденбург. — *Р. Р.*) прилагаемую записку о работах в отделе, а также просил Игн. Юл. (акад. И. Ю. Крачковский. — *Р. Р.*) взять на себя сборы среди арабов. Игн. Юл. согласился, и АН обещала дать до 500 р.; МАЭ дает столько же. Если поездка Игн. Юл. осуществится, мы сразу получим турок, персов и арабов. Тогда действительно будет настоящий отдел»⁶⁶. Здесь же в письме сообщается о необходимости сборов коллекционных предметов среди афганцев.

Энергичная научно-педагогическая деятельность И. И. Зарубина продолжалась и в последующие годы. Он работал, как уже говорилось, на кафедре иранской филологии восточного факультета ЛГУ, а затем в Институте языкознания АН СССР. Именно там были подготовлены и изданы «Шугнанские тексты и словарь». В 1962 г. коллеги и ученики И. И. Зарубина при участии этнографов отметили 75-летие со дня рождения ученого. Этому событию был посвящен указанный «Иранский сборник».

И. И. Зарубин придавал особое значение подготовке кадров иранистов. За время работы в Институте языкознания он организовал у себя на квартире еженедельный семинар по языку, фольклору и этнографии ираноязычных

народов. Участниками семинара были его ученики — ныне крупные специалисты в области иранистики. Много внимания И. И. Зарубин уделял методике исследования и описания иранских языков. Как лингвист и этнограф, И. И. Зарубин настаивал на изучении языка в его системе, в тесной связи с жизнью народа, с его материальной культурой и историей⁶⁷.

Вклад И. И. Зарубина в науку поистине неocenим. Ему принадлежит достойное место в замечательной плеяде классиков этнографической науки.

Примечания.

¹ *Расторгуева В. С.* И. И. Зарубин — лингвист // Иранский сборник. К 75-летию профессора И. И. Зарубина. М., 1963. С. 3—16; *Гафферберг Э. Г., Кисляков Н. А.* И. И. Зарубин — этнограф и музейный работник // Там же. С. 17—21; *Розенфельд А. З.* Личный фонд проф. И. И. Зарубина (предварительное сообщение) // Страны и народы Востока. Вып. XVI. Памир. М., 1975. С. 296—297.

² *Расторгуева В. С.* Указ. раб. С. 3.

³ Там же.

⁴ Архив востоковедов Ленинградского отд. Ин-та востоковедения АН СССР (далее — Архив ЛО ИВ). Ф. 121. Оп. 3. Ед. хр. 4. Л. 4.

⁵ Там же.

⁶ Позже он выучил персидский, белуджский, а также другие иранские языки.

⁷ См. Изв. Русск. комитета для изучения Средней и Восточной Азии в истор., археол., лингвистич. и этнографич. отношениях. Сер. II. № 3. СПб., 1914. С. 79—84.

⁸ *Зарубин И. И.* Материалы и заметки по этнографии горных таджиков. Долина Бартанга // Сб. Музея антропологии и этнографии (далее — Сб. МАЭ). Т. V. Пг., 1918. С. 100—101. Этой работе предшествовал прекрасно иллюстрированный натурными рисунками этюд «Обувь горных таджиков долины Бартанга» // Сб. МАЭ. Т. III. Пг., 1916. С. 89—94.

⁹ *Зарубин И. И.* Материалы и заметки по этнографии... С. 97.

¹⁰ Там же. С. 98.

¹¹ *Расторгуева В. С.* Указ. раб. С. 3—4.

¹² Там же. С. 4.

¹³ Там же.

¹⁴ *Зарубин И. И.* Материалы и заметки по этнографии... С. 100—101.

¹⁵ Ленинградское отд. Архива АН СССР (далее — ЛО ААН). Ф. 148. Оп. 1. Ед. хр. 83. Л. 99.

¹⁶ *Зарубин И. И.* Записка о командировке на Памир в 1915—1916 гг. // Протоколы заседаний Русск. комитета для изучения Средней и Восточной Азии. № 3. 1916; *его же.* Путь с р. Ванч на р. Язгулям, р. Бартанг и р. Гунт // Изв. Туркестанского отд. Импер. Русск. геогр. о-ва. Т. XII. Вып. 2. Ташкент, 1916.

¹⁷ ЛО ААН. Ф. 148. Оп. 1. Ед. хр. 62. Л. 91.

¹⁸ *Зарубин И. И.* Образец припамирской народной поэзии // Докл. Российской Академии наук (далее — ДРАН). Сер. В. Л., 1924. С. 82—85; *его же.* Два образца припамирской народной поэзии // Там же. С. 177—180; *его же.* Сказание о первом кузнеце в Шугнани // Изв. АН СССР (далее — ИАН). Сер. V. Т. XX. 1926. № 12. С. 1165—1170; *его же.* Одна орошорская сказка // Восточные записки. Т. I. Л., 1927. С. 297—318. Ряд фольклорно-этнолингвистических работ И. И. Зарубина, которые относятся к памирской серии, построены на фольклорных текстах: *Зарубин И. И.* Орошорские тексты // Памирская экспедиция 1928. Тр. экспедиции. Вып. VI. Лингвистика. Л., 1930; *его же.* Бартангские и рушанские тексты и словарь. М.; Л., 1937; *его же.* Шугнанские тексты и словарь. М.; Л., 1960. К памирской серии публикаций И. И. Зарубина относятся его интересные этнографические работы: Дополнение к статье Н. В. Веселовского «Роль стрелы в обрядах и ее символическое значение» // Зап. Коллегии востоковедов (далее — ЗКВ). Т. I. Л., 1925. С. 91—96; *его же.* Рождение шугнанского ребенка и его первые шаги // В. В. Бартольд — туркестанские друзья, ученики и почитатели. Ташкент, 1927. С. 362—373; *его же.* К списку памирских языков // ДРАН. Сер. В. Л., 1924. С. 79—81.

¹⁹ *Расторгуева В. С.* Указ. раб. С. 8.

²⁰ ЛО ААН. Ф. 148. Оп. 1. Ед. хр. 62. Л. 92.

²¹ Белуджские сказки, собранные И. И. Зарубиным // Тр. Ин-та востоковедения АН СССР. Т. IV. Л., 1932.

²² *Зарубин И. И.* К изучению белуджского языка и фольклора // ЗКВ. Т. V. Л., 1930. С. 653—679.

²³ Белуджские сказки... С. 6.

²⁴ *Зарубин И. И.* Список народностей Союза Советских Социалистических Республик // Тр. Комисс. по изучению племенного состава России и сопредельных стран (далее — Тр. КИПС). № 13. Л., 1927.

²⁵ *Его же.* Список народностей Туркестанского края // Тр. КИПС. № 9. Л., 1925.

²⁶ Об этих источниках см.: Отчет И. И. Зарубина о поездке в Туркестан // Отчет о деятельности Российской Академии наук по отд. физ.-мат. наук, ист. наук и филологии за 1919 (далее — ОИФ). Пг., 1920. С. 305—306.

- ²⁷ *Зарубин И. И.* Население Самаркандской области // Тр. КИПС. № 10. Л., 1926.
- ²⁸ *Его же.* Список народностей Туркестанского края. С. 4.
- ²⁹ Там же. С. 14.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ Там же. С. 14—15.
- ³² Там же. С. 15—16.
- ³³ *Его же.* Население Самаркандской области. С. 20.
- ³⁴ Там же. С. 21.
- ³⁵ Там же.
- ³⁶ *Его же.* Список народностей Туркестанского края. С. 4.
- ³⁷ Там же. С. 7.
- ³⁸ *Сухарева О. А.* Бухара. XIX — начало XX века // Позднефеодальный город и его население. М., 1966. С. 122.
- ³⁹ Там же. С. 119.
- ⁴⁰ Материалы Всероссийских переписей 1920 г. Перепись населения в Туркестанской республике. Ч. I. Поселенные итоги. Вып. V. Поселенные итоги Самаркандской области. Ташкент, 1924. С. 48.
- ⁴¹ *Бартольд В. В.* Соч. Т. II. Ч. I. М., 1963. С. 459.
- ⁴² Родник жемчужин. Персидско-таджикская классическая поэзия. Душанбе. 1986. С. 330.
- ⁴³ *Зарубин И. И.* Список народностей Туркестанского края. С. 7; *его же.* Население Самаркандской области. С. 23.
- ⁴⁴ *Его же.* Население Самаркандской области. С. 23.
- ⁴⁵ *Его же.* Список народностей Туркестанского края. С. 7.
- ⁴⁶ *Его же.* Население Самаркандской области. С. 33.
- ⁴⁷ *Его же.* Список народностей Туркестанского края. С. 15; см. также материалы Всероссийских переписей 1920 г. С. 31.
- ⁴⁸ *Костенко Л. Ф.* Туркестанский край. Опыт военно-статистического обозрения Туркестанского военного округа. Материалы для географии и статистики России. Т. I. СПб., 1880. С. 440.
- ⁴⁹ Справочная книжка Самаркандской области на 1893 год. Вып. I. Самарканд, 1893. С. 19; Вып. II. Отд. III. Самарканд, 1894. С. 24.
- ⁵⁰ *Вирский Н. М.* Сведения о Зеравшанском округе // Материалы для статистики Туркестанского края. Ежегодник. Вып. IV. СПб., 1876. С. 30—31.
- ⁵¹ Первая Всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. Т. LXXXIII. Самаркандская область. СПб., 1905. С. VI.
- ⁵² Там же. С. 48—49.
- ⁵³ Там же. С. 3.
- ⁵⁴ Там же. С. 49.
- ⁵⁵ Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. XV. Узбекская ССР. М., 1928. С. 27—28.
- ⁵⁶ *Сухарева О. А.* Указ. раб. С. 122. (Еще до сих пор пожилые таджикские жители г. Канибадама, выезжая в Душанбе, говорят, что отправляются в Таджикистан. Дело в том, что Канибадам с 1924 по 1929 г. относился к Узбекской ССР)
- ⁵⁷ Там же. С. 121—122.
- ⁵⁸ Там же. С. 122.
- ⁵⁹ Материалы Всесоюзной переписи населения 1926 года в Узбекской ССР. Вып. I. Самарканд, 1927. С. 1.
- ⁶⁰ Там же.
- ⁶¹ Там же.
- ⁶² *Зарубин И. И.* Этнологические задачи экспедиции в Таджикистан // Приложение к протоколу XVI заседания ОИФ АН СССР, 2 декабря 1925 г. С. 2—4.
- ⁶³ *Его же.* Отчет об этнологических работах в Средней Азии летом 1926 года // ИАН. Сер. VI. Л., 1927. № 5—6. С. 351—360; *Гафферберг Э. Г., Кисляков Н. А.* Указ. раб. С. 19—21.
- ⁶⁴ *Гафферберг Э. Г., Кисляков Н. А.* Указ. раб. С. 19.
- ⁶⁵ Сын Н. Я. Марра — Ю. Н. Марр и его жена С. М. Марр в это время находились в Иране и закупают коллекции для МАЭ.
- ⁶⁶ ЛО ААН. Ф. 68. Оп. 2. Ед. хр. 98. Л. 9.
- ⁶⁷ *Расторгуева В. С.* Указ. раб. С. 15—16.